
А. Л. ГРИНИН

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

Мир-Система в настоящее время находится в системном кризисе, который постоянно углубляется быстро растущим противостоянием. Поэтому политологический дискурс во многом вращается вокруг проблемы мирового порядка и его ожидаемой смены. В настоящей статье будут показаны формирование современного американского мирового порядка и некоторые важные характеристики нынешнего состояния мирового порядка, которые характеризуют его как переходный к новой системе. Сначала будут рассмотрены некоторые теоретические вопросы, связанные с понятием мирового порядка. Далее будет описано, как устанавливался однополярный порядок; затем – в чем и как он ослаб и перестал устраивать мировое сообщество. Наконец, автор объясняет, почему на смену США не придет новый абсолютный лидер, а новый мировой порядок будет порядком без абсолютного лидера.

Ключевые слова: мировой порядок, баланс сил, борьба за новый мировой порядок, однополярный мировой порядок, антиамериканизм, политологический дискурс.

Введение. Мировой порядок и его системный кризис

Американский однополярный мировой порядок сложился в 1990-е гг. в результате распада СССР и системы социализма. Примерно с 2008–2009 гг. обозначился кризис этого порядка, маркером чего стал мировой финансово-экономический кризис и активная работа «Двадцатки» (G20). Однако США не собираются уступить

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Гринин, А. Л. 2024. Мировой порядок и его современное состояние. *Историческая психология и социология истории* 1: 105–130. DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.04.

For citation: Grinin, A. L. 2024. World Order and Its Current State. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 1: 105–130 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.04.

Историческая психология и социология истории 1/2024 105–130
DOI: 10.30884/ipsi/2024.01.04

место мирового лидера, в результате чего в связи с подъемом ряда стран (России, Китая и некоторых других), а также фактического отказа самих США от целого ряда важнейших принципов, которые они провозглашали (в том числе свободной торговли), возник, усилился и продолжает усиливаться кризис мирового порядка. Этот кризис получил название реконфигурации Мир-Системы (см. о ней, например: Гринин 2023; Гринин и др. 2024а). В настоящее время кризис достиг высокой точки, и стало очевидно, что, к сожалению, борьба за новый мировой порядок будет усиливаться до тех пор, пока монополия США не ослабнет и не обозначатся возможности формирования новой системы мирового порядка.

Противостояние в мире нарастает. И хотя не исключаются периоды его ослабления, в частности возможность прекращения военных действий на Украине, это не меняет важнейшей характеристики современного периода. Я имею в виду то, что мир находится в состоянии крупных, коренных, фактически стадийных изменений. Иными словами, Мир-Система находится в фазе, предшествующей переходу ее в новое качественное состояние (см.: Гринин и др. 2024а). А такие коренные трансформации происходят в результате изменения баланса сил в геополитическом раскладе в Мир-Системе и связанного с этим изменения международных отношений.

В статье, после того как будут рассмотрены некоторые теоретические вопросы, связанные с понятием мирового порядка, автор предполагает рассмотреть сначала, как устанавливался однополярный порядок, затем – в чем и как он ослаб и перестал устраивать мировое сообщество, и в заключение выскажет некоторые идеи, почему на смену США не придет новый абсолютный лидер, а новый мировой порядок будет порядком без абсолютного лидера.

1. Мировой порядок в политологическом дискурсе

Итак, вполне объяснимо, что, несмотря на идеологические расхождения и антагонизмы, большинство политологов в нашей стране и за рубежом, хотя и с разных позиций, пытаются объяснить современные изменения. При этом часть из них меняет свои прогнозы, и кое-кто даже стремится обновить свой теоретический арсенал. Поэтому все больше исследователей отмечают и соответственно исследуют: а) усиление конфликтности в современном периоде в Мир-Системе; б) ослабление американского авторитета в мире;

в) рост опасности военных конфликтов в будущем; г) подъем России, Китая и других держав, которые стремятся изменить мировой порядок.

Соответственно обсуждаются направления изменения и формирования мирового порядка, в том числе рост значения суверенитета – в противоположность прошлому периоду (анализ трансформаций суверенитета и связанных с этим теорий см.: Гринин, Коротяев 2016). Учитывается стремление держав обезопасить себя по все большему числу направлений (продовольственное, технологическое и т. п.). Имеет место также анализ вариантов поддержания или изменения баланса сил в современной конфликтной ситуации.

1.1. О литературе, посвященной мировому порядку, и некоторых теориях

Анализу истории мирового порядка, смене мирового порядка и его лидеров, а также прогнозов о том, каким будет новый мировой порядок, посвящено немало исследований (см., например: Attali 1991; Хантингтон 2003а; 2003б; Бжезинский 1998; 2010; Zakaria 2008; Закария 2009; Фридман 2010; 2011; Дуткевич 2022). Работы многих, в частности З. Бжезинского (1998) и Дж. Фридмана, прославляли могущество США и предлагали советы, как удержать и расширить их лидерство¹. Более академичными, фундаментальными и рациональными являются исследования Г. Киссинджера (1997; 2002; Kissinger 2014).

Смене мировых лидеров посвящены такие классические исследования, как: Kennedy 1987 (Кеннеди 2018); Arrighi 1994; 2007; Modelski 1991; Rasler, Thompson 1994; Modelski, Thompson 1996; Валлерстайн 2001; Mearsheimer 2001; Хантингтон 2003а; 2003б; Закария 2009; см. также: Murray, Brown 2012; Dalio 2021. Достаточно показательными и в определенном смысле стремящимися к объективности являются доклады Национального разведывательного совета США (Мир... 2009; National Intelligence Council 2008; 2017; 2021).

Говоря об основных недостатках существующих западных теорий, нужно подчеркнуть политизированную ангажированность ряда из них, чрезмерную идеологизацию, страновой и блоковой подходы, идеализацию существующего американского порядка (так

¹ Впрочем, в более поздних работах Бжезинский высказывался за более взвешенную внешнюю политику США (см. ниже).

называемого «порядка, основанного на правилах») и осуждение «ревизионистских» держав, которые объективно недовольны всевластием, злоупотреблением монопольным положением в финансовой системе, безнаказанностью при постоянном нарушении международных правил и обычаев США (см. о такой идеализации: Фридман 2010; 2011; Дуткевич 2022).

Не принимается также в расчет как важнейшая составляющая смены мирового порядка борьба, в нашей терминологии, *американистов* (то есть тех из американской элиты, для кого интересы Америки прежде всего) и *глобалистов* (то есть тех представителей американской и глобальной элиты, кто хотел бы только использовать ресурсы США для достижения целей, в принципе Америке чуждых; см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; 2022).

Нельзя не отметить недоучет и недостаток внимания к принципиально новым явлениям и тенденциям, как уже проявившим себя, так и тем, которые только должны проявиться: а) неизбежности возврата к глобализации², но уже на новых основаниях; б) влиянию демографического фактора (растущий третий мир и депопуляция на Западе); в) возрастающей роли Африки.

Также можно согласиться с В. И. Пантиним и В. В. Лапкиным относительно многих западных и некоторых отечественных подходов и теорий, которые пишут: «В целом, существующие теории мирового порядка и баланса сил имеют сравнительно низкий прогностический потенциал, на их основании крайне сложно делать верные среднесрочные и особенно долгосрочные прогнозы изменения миропорядка, поскольку эти теории, как правило, не учитывают множество факторов, приводящих к нелинейной динамике глобальных политических и экономических изменений. В результате многие события, кризисы, конфликты, потрясения рассматриваются как “абсолютно неожиданные”, обусловленные случайностями или невероятным стечением обстоятельств. Отсюда, в частности, возникают представления о невероятных и принципиально непредсказуемых событиях, кризисах и потрясениях типа “черного лебедя” (здесь они ссылаются на [Taleb 2007]. – А. Г.), о том, что международные конфликты и кризисы связаны исключительно с произвольными действиями и ошибками отдельных политиков и т. п.» (Пантин, Лапкин 2024: 29). Они также справедливо отме-

² Недавно на этот счет началась интересная дискуссия в журнале «Век глобализации» (см.: Чумаков 2023; Леонова 2024).

чают, что в подавляющем большинстве работ процессы глобальной социально-политической дестабилизации и процессы изменения мирового порядка рассматриваются отдельно, изолированно друг от друга, без анализа их тесного взаимодействия, взаимовлияния и переплетения.

О понятии мирового порядка

Термин «мировой порядок» (как и «мировой беспорядок») был введен в научный оборот известным английским политологом Х. Буллом в 1977 г. (Bull 1995; см. также Миронюк 2024). В нашей стране это понятие ввел в научный оборот Г. Х. Шахназаров (1981). Булл дает и известное определение международного порядка, хотя, на мой взгляд, не особенно продуктивное. Под международным порядком он понимает образец деятельности, которая поддерживает элементарные или первостепенные цели сообщества государств (Bull 1995: 8). Получается, что международный порядок – это некий идеал, а не реальное положение дел.

Джон Миршаймер дает более интересное, на мой взгляд, понимание мирового порядка как организованной системы (группы) международных институтов, которые помогают управлять взаимодействием между государствами-членами. При этом международные институты он рассматривает как правила, которые разработаны великими державами и которым они согласились следовать, поскольку это в их интересах (Mearsheimer 2019: 9). Следовательно, когда соблюдение этих правил перестает быть в интересах великих или крупных держав, начинается ослабление порядка и отход от его норм, то есть постепенное его разрушение (либо восстановление, если удастся вернуть диссидентов в прежнее состояние)

Дискуссии о том, что такое мировой порядок, активно развернулись с 1990-х гг., когда после коллапса СССР и социализма американцы озаботились теоретическим основанием нового – американского – порядка. О важности для политической науки этого понятия писали многие (см., например: Ikenberry 2001; Баталов 2003; 2005а; 2005б; Сирота и др. 2022)³. Однако консенсуса до сих пор нет, хотя многие определения так или иначе связаны с некими признанными правилами (см. ниже). Для нормально функционирую-

³ Согласно Э. Я. Баталову (2005а), анализ мирового политического порядка открывает путь к пониманию структуры более или менее устойчивых и значимых связей между элементами системы международных отношений.

щего мирового порядка правила, конечно, необходимы. И недаром Г. Киссинджер (1997) писал о необходимости легитимации мирового порядка, однако он же подчеркивал, что мир невозможен без равновесия, а справедливость – без самоограничения. Сегодня многие американские и западные политологи делают упор на идею порядка, основанного на правилах. Но, как мы увидим ниже, в настоящий момент это звучит уже как издевательство.

Выделяют три основных подхода к интерпретации мирового порядка:

1. *Реалистический*, который восходит еще к идеям Г. Моргентхау (Morgenthau 1955), причем в качестве главного элемента баланса сил рассматривался военный компонент. Такой подход преобладал в годы противостояния СССР и США. Современные представители реализма, подобно Р. Арту (Art 2005: 215), считают, что внешняя политика не может быть оторвана от военной мощи (о полярности, связанной с силовым потенциалом, см.: Картунов 2002). В связи с обострением противоречий можно думать, что это направление усилится.

2. *Конструктивистский*, делающий основной упор на правила, которые управляют системой и обеспечивают ее стабильность. Представителями являются Р. Купер и Л. Миллер (Cooper 1993; Miller 1994). Немало российских ученых также придерживается аналогичного подхода.

3. *Институциональный*. Для этого подхода важен аспект принятия решений по ключевым вопросам, а также механизмы, способы и формы межгосударственного сотрудничества. Подход сформулирован Дж. Айкенберри (Ikenberry 2001).

Очень хороший обзор различных подходов и определений мирового порядка см.: Сирота 2013; Сирота и др. 2022.

Ряд российских политологов делают упор на значимости юридически оформленных правовых норм (международных договоров, соглашений), организующих отношения субъектов мировой политики.

Рассмотрим одно из таких определений. Мировой порядок – это: 1) система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; 2) набор согласованных на их основе конкретных установлений; 3) набор признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; 4) потенциал уполномоченных стран или институтов эти санкции

осуществить; 5) политическая воля стран-участниц этим потенциалом воспользоваться (Богатуров 1997: 40; см. также: Богатуров 2003).

Мне, как и моим постоянным соавторам, ближе реалистический подход. Потому, на мой взгляд, это определение некоего идеального мирового порядка (как и рассмотренное выше определение Х. Булла), который основан не на силе и не на интересах лидирующей (-их) мировой (-ых) и региональных держав⁴, а на соблюдении неких принципов. Однако принципы и правила соблюдаются до тех пор, пока это выгодно (см. об этом ниже, в следующем разделе).

В моем понимании мировой порядок определяется характером, целями и интересами тех ведущих держав (или одной державы), которые являются центральными, и их взаимоотношениями, вытекающими из баланса сил, противоречий и сложившихся союзов; а уже их взаимоотношения выражаются в тех или иных официальных или неофициальных нормах и вошедших в практику обычаях.

Мировой порядок, если давать ему рабочее определение, не претендующее на универсальность, но вполне удобное в рамках данной статьи, – это более или менее устойчивая в течение определенного (иногда достаточно долгого) времени, но в то же время подвижная система международных отношений, включающая сложное переплетение интересов, целей и особенностей ведущих и иных держав; выражающаяся в союзах, конфигурациях противоречий и связей, что в итоге принимает форму сосуществования с комплексом более или менее признанных и оформленных идей, правил, договоренностей и обычаев, которые принимаются как определенная норма. Резкие нарушения устоявшихся отношений и правил вызывают потрясения мирового порядка; целенаправленные попытки изменить баланс, которые основаны на ощущении несоответствия реальных потенциалов и места державы (держав, союзов) в мировом порядке, способны коренным образом изменить мировой порядок и трансформировать его. Тогда новые правила и привычные отношения требуют формирования в течение определенного времени (это определение дано в: Гринин и др. 2024а).

⁴ Уже давно отмечено, что одним из важнейших понятий в сфере борьбы за власть в мире являются интересы ведущих держав, при этом концепт интереса может быть определен как сила, но содержание этого понятия не является раз и навсегда определенным (Morgenthau 1955). Интересы меняются и зависят от технологий, момента и многого другого.

Крайне важно понимать, что такие изменения в мире, когда баланс сил существенно меняется, происходят редко, раз в несколько десятков лет. Но об этом мы будем говорить в другом месте.

2. Установление современного американского мирового порядка. Pax Americana

Распад социалистического блока и Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. разрушил прежний мировой двублоковый порядок. Поскольку после краха СССР начал устанавливаться однополярный мир, то и представления о новом мировом порядке часто проецировались на убеждение в безраздельном господстве западных экономик, институтов и идей (см., например: Attali 1991), совершенствующих остальной мир. Не успел Советский Союз распасться, как в 1992 г. появилась так называемая доктрина Вулфовица, названная так по фамилии бывшего в то время заместителем министра обороны США Пола Вулфовица. Доктрина содержит шесть статей, где поочередно рассматриваются статус США как супердержавы, главенство США в мировой политике, однополярность, политика превентивных действий, угроза со стороны России, энергетическая политика. Доктрина провозглашала статус США как единственной оставшейся в мире сверхдержавы после распада Советского Союза и победителя в холодной войне и ставила главной целью сохранение этого статуса. Согласно данной доктрине, политическая и военная задача Америки в эпоху после окончания холодной войны будет заключаться в том, чтобы построить новый мировой порядок и исключить появление соперничающих сверхдержав – будь то в Западной Европе, в Азии или на территории бывшего Советского Союза (Armstrong 2002; Basha 2023; Fazi 2024; Ляпина 2010). Доктрина стала важной частью, если не основой Стратегии национальной безопасности США 2002 г. и так называемой доктрины Буша. Основные идеи доктрины Вулфовица: превентивно остановить рост Китая, РФ и других стран как соперничающих с США держав, создать крепкий альянс демократических держав и продолжить строительство демократического общества, а также продвигать по всему миру демократию; создать ощущение того, что новый мировой порядок поддерживается в первую очередь США, будет важным стабилизирующим фактом для всех последующих коалиций – все это по-прежнему активно используется в арсенале американских политиков и геополитиков.

Очень скоро характеристики нового мирового порядка в ряде работ стали едва ли не синонимичны идее *Pax Americana* (см., например: Бжезинский 1998; Collins 2002: 118; Фридман 2010; 2011). Идеи Г. Киссинджера (1997; 2002) о поиске новой системы равновесия сил были исключением. Впрочем, разочарование в правильности и осмысленности внешней политики США достаточно скоро постигло и «ястребов»-геогеоретиков. В частности Збигнев Бжезинский (2006) отмечал, что внешняя политика Вашингтона после 11 сентября отличается крайней близорукостью и недальновидностью, сеет чрезмерную панику и слишком дорогостояща. В целом она сделала Америку более уязвимой и поколебала легитимность ее мирового превосходства. Что еще хуже, углубленный диагноз не позволяет в долгосрочной стратегической перспективе дать определение исторически значимой роли США в мире, способное сплотить нацию или оправдать ее приоритеты в глазах мирового сообщества.

По мнению А. В. Яковенко и его соавторов (Яковенко и др. 2023: 41), огромное влияние на американские элиты, прежде всего на республиканцев (в первую очередь саму команду Дж. Буша-младшего), оказала доктрина «Нового американского века», которая начала разрабатываться в 1997 г. группой неоконсерваторов во главе с У. Кристолом и Р. Каганом. Новое видение окружающего мира было основано на светском и религиозном мессианизме, предполагающем установление «имперского правления во имя универсальных ценностей», а также на убеждении, что «США имеют исторически и теологически обоснованное право и обязанность спасти мир в соответствии с их собственными универсально применимыми принципами». Его авторы исходили из того, что «американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира», и выступали в поддержку «политики военной силы и моральной чистоты». Отметим, что первая часть этой идеи – что «американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира» – очень прочно вошло в сознание американских элит, часть же, связанная с «моральной чистотой» и ранее бывшая лишь декларацией, теперь и вовсе забылась (об истории развития американского гегемонизма и доктринах, сопутствующих этому, см. также: Шишков 2014).

Но, так или иначе, США в отличие от предшествующих мировых лидеров сосредоточили в своих руках ключевые ресурсы лидерства: от технологических, финансовых и военных до научных

и культурных. Это был первый (и, видимо, последний) случай в мировой истории (см. ниже).

Однако внешние авантюры Дж. Буша-младшего оказались слишком дорогими и не особенно результативными акциями. А вскоре начался глобальный финансово-экономический кризис, который ясно показал ограниченность ресурсов США. Поэтому демократ Б. Обама воспринял и критику внешней политики, и изменение ситуации. Был взят курс на удешевление внешней политики, в том числе на ослабление внимания к Ближнему Востоку, полыхавшему тогда в заревах революций «арабской весны» (в частности, в итоге было заключено соглашение с Ираном), и развороту к АТР.

3. О некоторых факторах, способствующих движению к новому мировому порядку

3. 1. Разрушение существующего мирового порядка

Как сказано выше, в настоящее время идет процесс разрушения старого мирового униполярного порядка, который устанавливался с 1990-х гг. Последний базировался на целом ряде механизмов, прежде всего безусловном лидерстве США и ряде преимуществ Америки и ее союзников из развитых стран; на возможности США препятствовать изменению границ, возникновению региональных конфликтов и т. п.; на определенном балансе сил и некотором ограничении соперничества в области гонки вооружений, тренда на демократизацию и соблюдение прав человека (см.: например: Хантингтон 2003б); на системе международных организаций, в целом поддерживающих господство США; на стремлении расширить и укрепить процесс глобализации; на развитии принципа максимального использования конкурентных преимуществ в той или иной экономической специализации, в том числе развития свободной торговли, свободы перемещения капитала, соблюдения правил международной торговли; на диктате правил, ограничивающих (по сути, в пользу США и их союзников) эмиссию национальных валют, и т. п. Многие из этого декларировались в Вашингтонском консенсусе.

В настоящее время многое из этого ослабло, заблокировано (как, к примеру, работа ВТО) или даже превратилось в свою противоположность (например, идея о свободной торговле и свободном движении капиталов). Главное – лидерство США и ослабло, и серьезно оспаривается. В результате возникают конфликты, и ряд застарелых спорных проблем, болезненных для тех или иных держав, они

начинают решать военным путем. Хуже того, межстрановые конфликты приобретают мировое значение. Так, конфликт в Газе привел к разнообразным последствиям, в том числе сильно повлиял на логистику мировой торговли⁵. С другой стороны, и сами США начинают активизировать вовлечение своих союзников в военные альянсы (АУКУС, азиатскую НАТО). Баланс сил меняется не в пользу Запада, к этому мы еще обратимся далее. Система международных организаций все больше превращается в инструменты обслуживания сиюминутных решений. Господство доллара все еще сильно, но с каждым годом и даже месяцем усиливаются поиски возможностей ухода от него. Продвижение демократии, которое свидетельствовало об укреплении Pax Americana, приостановилось и даже стало откатываться назад (Goldstone *et al.* 2022; Selbin 2022; Zhdanov, Korotayev 2022); сама демократия из-за цензуры и других недемократических процедур клонится к упадку (см., например: Kotkin 2024b; о проблемах современной демократии см.: MacEoin 2018; Tsirel 2020); соблюдение прав стало очень двусмысленным и подверженным двойным стандартам (недавний пример – оправдание уничтожения жителей Газы, включая детей [Roussinos 2023]).

3.2. Антиамериканизм, желание иметь противовес США и борьба за Глобальный Юг

Антиамериканизм – явление не новое, он зримо проявился еще в период холодной войны. Однако в современном мире антиамериканизм усиливается, становится одним из главных факторов, способствующих трансформации мирового порядка и, соответственно, определяет движение к новому порядку, особенно с учетом повышающейся роли стран Глобального Юга. 15 лет назад Збигнев Бжезинский (2010) указывал, что глобальное политическое пробуждение, под которым он подразумевал заметно растущую роль в глобальных делах поднимающихся стран третьего мира, исторически является антиимперским, политически антизападным и эмоционально все более антиамериканским. В своем развитии оно вызывает смещение центра глобального притяжения. А это, в свою очередь, в глобальном масштабе меняет расположение центров власти и ока-

⁵ В частности, в результате деятельности хуситов в Красном море и провала международной во главе с США операции по борьбе с ними движение контейнеровозов через Суэцкий канал сократилось на 90 %. Только в июне было атаковано 52 судна, пять из которых были повреждены, а еще два затонули (Шщещняк 2024; Cohen 2024).

зывает серьезное влияние на роль США в мире. С тех пор этот процесс заметно усилился. Быстро проходит время (а где-то оно уже прошло), когда Америку воспринимали как символ свободы, огромных шансов для самореализации и искреннего поборника демократии. Напротив, и претензий, и разочарований, и прямой ненависти к США становится все больше у все большего числа стран и людей. Разумеется, это нарастание материализуется далеко не сразу и принимает различные формы, но в целом поддержка США в мире сокращается. Особенно в странах Глобального Юга, и особенно в исламских странах (см., например: Why... 2023; об отношении к США и Западу среди исламистов см.: Хантингтон 2003а; Левин 2014; Царегородцева 2017; Osman 2016; Achilov, Sen 2017; Гринин, Коротаев 2019; Леви, Михаэли 2024). При этом в развивающихся странах в большинстве случаев объединяют США и Запад в одно.

Антиамериканизм во многом сближает довольно разные страны, такие как Венесуэла, Иран, Сирия, КНДР, Китай, РФ и другие. Образно говоря, антиамериканизм – это тот самый клей, который скрепляет их неформальный союз (Cuenco 2024).

Антиамериканизм сегодня зашел так далеко, что некоторые аналитики в Европе считают, будто «враждебность к Америке – самая популярная идеология на Западе» (Neff 2024). Почему? Если вдуматься, то это вовсе не удивительно. Автор статьи в “*Neue Zürcher Zeitung*” (Швейцария) выделяет несколько причин. Он пишет, что долгое время критика в адрес США и западных ценностей была уделом только левых партий в Европе, поскольку левые активисты на протяжении десятилетий считали Запад эксплуататорской силой. Отмечу, что это верно. И многие левые в США (в том числе среди мир-системщиков, см. Введение) так же относились к Западу в целом и США в частности. Далее Бенедикт Нефф отмечает, что теперь к ним присоединились и правые политики. Он объясняет почему: потому что некоторые даже считают, что оккупация Германии Америкой продолжается. На мой взгляд, не даже, а считают абсолютно обоснованно, поскольку Германия и вся Европа, как мы уже говорили в этом исследовании, все заметнее и безальтернативнее превращаются в безропотных вассалов США. А для правых, которые неразрывно связаны с идеологией национализма и суверенитета, это очень болезненно. Впрочем, как и для многих левых. Так, «Союз Сары Вагенкнехт» (БСВ) в своей предвыборной программе заявил, что Европа «больше не должна быть цифровой ко-

лонией Соединенных Штатов» (Neff 2024). Соответственно, легко сделать выводы, что единственный путь к уменьшению такой зависимости – возврат к многополярности. Неудивительно, что «Альтернатива для Германии» (АдГ) теперь почти единодушно стоит за многополярность. Но США как раз и понимают, что Германию надо отрезать от России, что они и сделали, взорвав оба «Северных потока». Мало того, фактически США теперь придерживаются лозунга «Кто не с нами, тот против нас». А для многих европейцев, тем более традиционно нейтральных швейцарцев, это неприемлемо⁶.

Наконец, добавлю, что многим европейцам, которые хотели бы по-прежнему уважать свои страны и Европу в целом, тяжело мириться с «инновациями» в области половой и гендерной морали, половым воспитанием в школе, а также с двойными и тройными стандартами, полной потерей медиасвободы и многими другими вещами, в принципе противными классической либеральной европейской идеологии. Автор статьи также верно замечает, что неприятие Запада в том числе приходит извне, от иммигрантов из арабских стран, которые хотят жить на Западе, но презирают его. А поскольку роль мигрантов растет, то и нелюбовь к США тоже. Все это подтачивает роль Америки.

Желание иметь противовес США. Другим очень важным фактором является желание многих стран, чтобы в Мир-Системе был какой-то противовес США. Это неудивительно, так как у многих стран Соединенные Штаты не вызывают ни восхищения, ни уважения, что приводит к усилению зависимости от жесткой силы, а это имеет мультипликативный эффект в виде усиления глобального негодования (Striker 2024). Одни видят этот противовес в РФ, другие в Китае, но рост БРИКС им еще более интересен.

По мнению польского обозревателя Бруно Дрвенского (2024), большинство стран желает, чтобы Россия совместно с другими

⁶ Так, крупная швейцарская немецкоязычная ежедневная газета “Neue Zürcher Zeitung” (NZZ) сделала вывод: каждый, кто отстаивает нейтралитет Швейцарии – постоянный, вооруженный и всеобъемлющий, – является врагом Америки. А тот, кто придерживается нейтралитета в конфликте между США и Россией, является «антиамериканцем». Автор ответа на эту статью справедливо отмечает: швейцарцу не обязательно думать, что все, что делают американцы, правильно. Пусть даже мы ближе к США, чем к России, по нашему отношению к происходящему – исключительно из демократических соображений, – но это так. Америка в последние годы досаждала Швейцарии больше, чем России. Только подумайте о золоте Национального банка! И даже во время и после Второй мировой войны американцы не испытывали особых симпатий к швейцарскому нейтралитету (Blocher 2024).

глобальными или региональными державами была сильным противовесом США и блоку НАТО. Популярность БРИКС состоит во многом в его альтернативе Западу. Страны хотят иметь возможность выбора, а однополярный мир не дает этого. Поэтому-то мы наблюдаем такую тягу к БРИКС. Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун, хотя и использует западный политический жаргон, вполне прав, когда говорит, что «увеличение вдвое количества стран – членов БРИКС указывает на стремление мирового сообщества формировать более оппортунистические связи, которые могут оказаться потенциально опасными» (Сафаров 2024).

Также вполне можно согласиться с директором департамента информации и печати МИД РФ Марией Захаровой, которая в своем телеграм-канале пишет, что увеличение вдвое количества стран – членов БРИКС указывает на их решимость развиваться согласно своим национальным интересам, хранить традиции цивилизации и не допускать разрушительного влияния западной либеральной диктатуры (Там же). Действительно, американские политики рассматривают напряженность, возникшую в результате формирования многополярного порядка, как глобальную борьбу между демократией и деспотией (Fazi 2024). А продвижение демократии по-американски многим режимам очень не нравится. Тем более что американские руководители, в частности К. Харрис, клянутся никогда не колебаться в защите безопасности и идеалов Америки, так как твердо знают, на чьей стороне США в извечной борьбе демократии и тирании (*Ibid.*). В переводе с политического на обычный язык это значит, что США всегда и прежде всего на стороне США, а претензии к нарушениям демократии в любой стране – это только возможность надавить на нее или свергнуть там режим⁷.

Борьба за влияние на страны Глобального Юга. Борьба за Глобальный Юг становится важнейшим фактором развития борьбы за новый мировой порядок. Это хорошо осознают и лидеры, и аналитики. «Нам необходимо постоянно давать понять развивающимся странам, что союз с Западом обещает им лучшее экономическое будущее и большую безопасность», – такие призывы слышатся все чаще (Kotkin 2024a). В связи с ослаблением американского могущества и ростом силы восходящих держав среди американских

⁷ Все это делается в условиях постоянной серьезной деградации демократической системы и постоянного ухудшения ситуации с обеспечением гражданских прав в США (см.: Доклад... 2024: раздел 1).

геостратегов имела хождение идея выстроить широкое сотрудничество центров силы при ведущей роли США и на американских условиях. Разумеется, американские элиты ее проигнорировали, оставаясь приверженцами политики доминирования и силового воздействия. Но в данном контексте интересно, что в этой стратегии, которая определяется как «сверхбалансирование» (overbalancing; см.: Rosencrance 2014), предполагалось размывание растущей роли наиболее вероятных конкурентов Вашингтона, в первую очередь Китая, но также и России, за счет поощрения амбиций восходящих государств «второго эшелона» (Яковенко и др. 2023: 47). Иными словами, попытка использовать именно крупные развивающиеся страны, чтобы уменьшить влияние Китая и РФ. Нельзя сказать, чтобы США совсем не пользовались этой доктриной, в отношении Китая они постоянно стремятся разжигать противоречия между ним и другими странами (Филиппинами, Вьетнамом, Индией), но США все-таки делают это недостаточно гибко, в рамках своих старых гегемонистских тенденций. Стремление использовать развивающиеся страны против «ревизионистских» держав имеет место и в идее так называемого «бесплюсного мира» (Naass, Kurchan 2021).

Вместо перераспределения силы между ограниченным числом держав, характерного для полицентричного порядка, во главу угла ставится ее распределение среди разнотипных игроков. Для этого Вашингтону рекомендовалось использовать разного рода многосторонние форматы вроде «Группы двадцати», которая включает не только США, их традиционных союзников из числа развитых государств, страны БРИКС, но и Аргентину, Индонезию, Мексику, Саудовскую Аравию, Турцию, Южную Корею (Яковенко и др. 2023: 47). Но с настроем большинства политической элиты США это не особенно получается, и не случайно. Геополитическая идея состояла не в усилении конфронтации, а в ее ослаблении и увеличении посреднической роли США. Смысл заключался в том, что в системе с множеством влиятельных участников растет потребность в координирующей силе, предотвращающей ее хаотизацию. Соединенные Штаты будут претендовать именно на такую регулирующую роль, добываясь отношений привилегированного партнерства со всеми основными игроками и поддерживая конкуренцию между ними. Формирующийся таким образом международный порядок, уверяют американские эксперты, будет характеризоваться снижением военно-политической напряженности между странами при сохранении

активного экономического соперничества (Яковенко и др. 2023: 47–48). Но, увы, американский истеблишмент предпочел втянуть мир в конфликт. Но для нас также важно, что роль развивающихся стран в геополитических стратегиях растёт.

В настоящее время идет активное соперничество крупных держав, включая и Россию, за Африку (см.: Гринин и др. 2024б). Похожие процессы идут и в соперничестве за АТР, только там очень заметную роль играет антикитайская политика США. Последние «заигрывают» с целым рядом стран, такими как Вьетнам, Филиппины, Индия и др., чтобы укрепить антикитайское окружение. Но в большинстве случаев (Филиппины, скорее, исключение) страны предпочитают вести разновекторную торговую, внешнюю и военную политику. Как указывают В. Г. Барановский и В. Б. Кувалдин, по сравнению с периодом холодной войны в корне меняется роль развивающихся стран бывшего третьего мира. Резко выросло их значение в мировой экономике и политике. Полностью изменилось их отношение к сильным мира сего. На место стратегии неприсоединения по принципу «чума на оба ваши дома» пришла политика активного сотрудничества по всем азимутам, когда налаживаются и развиваются связи со всеми перспективными партнерами независимо от их геополитической ориентации. Прагматизм во внешнеполитических взаимодействиях с упором на экономическую эффективность делает развивающиеся страны полноценными участниками процесса определения контуров и правил игры глобального мира XXI в. (Барановский, Кувалдин 2023). Повышение значимости стран Глобального Юга для Запада, РФ, Китая и других акторов усиливается нехваткой уверенности в том, что Америка по-прежнему выступает флагманом мирового политического процесса (Peer 2024) и, более того, многие политики, в частности в Индии, считают, что американское доминирование в мире подошло к концу (Добров 2024).

Таким образом, один из главных выводов в плане движения к новому мировому порядку, который я могу сделать, – конкуренция за страны Глобального Юга, в том числе за Африку, будет нарастать (с учетом и будущих конфликтов). При этом гибридная война все более распространяется и на Глобальный Юг.

Нестабильность и ненадежность США как партнера и быстрая деградация их политической элиты. Еще среди факторов – нестабильность и ненадежность США и быстрая деградация их политической элиты. Об этом пишут очень многие. Вот только одно

высказывание. Американская политическая система может оказаться в состоянии паралича по самым важным стратегическим вопросам, что заставит мир еще более усомниться в глобальном лидерстве Америки. Бывший министр обороны Роберт Гейтс недавно написал статью для издания “Foreign Affairs”, в которой утверждает, что политические неурядицы в США способствуют усилению геополитической нестабильности, потому что в расколоте Америки отсутствует постоянство и решимость сдерживать силы глобального беспорядка (Brands 2024). Такой нестабильностью крайне недовольны все: и противники США, их яростные (постоянные) критики, и патриоты-«ястребы» (как автор статьи), и просто патриоты.

К сказанному относится усиливающийся внутренний гражданский конфликт в США, который делает их недостаточно договороспособными во внешней политике и заставляет другие страны каждый электоральный цикл с тревогой задумываться, в какую сторону повернет американская политика теперь. Несмотря на формальные призывы к соблюдению правил в международных делах, ситуация в этом плане стремительно ухудшается. Два подряд покушения на кандидата в президенты во время предвыборной кампании 2024 г. – это показатель чудовищного разлада в американском обществе, который постоянно растревается с обеих сторон.

4. Мир без абсолютного лидера – основа нового мирового порядка

Итак, современные кризис, турбулентность и дестабилизация готовят новый мировой порядок. Но возникает вопрос: какого типа он будет? И, прежде всего, придет ли на смену лидерству США аналогичный новый лидер либо конструкция мирового порядка будет иной?

Абсолютное лидерство – это исключение, а не правило. После Второй мировой войны, и особенно после падения СССР, США в отличие от предшествующих мировых лидеров сосредоточили в своих руках очень большой спектр лидерства: от технологического, финансового и военного до научного и культурного, включая политическое, военное (при этом особенно значительное в военноморском аспекте), валютно-финансовое, экономическое, инновационное, идеологическое и др. Это, как мы уже сказали, был первый (и, видимо, единственный) подобный случай в мировой истории.

Ни один лидер до этого не обладал таким спектром преимуществ: ни Англия, ни тем более Голландия или Генуя; может быть,

только Римская империя. Поэтому (а также и по многим другим причинам) *утрата США главенствующей роли будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы*, даже ближайшие последствия которой во многом не ясны (Гринин 2013).

Но стоит отметить, что спектр лидерства США сужается. Теперь уже сложнее назвать эту страну лидером культуры Мир-Системы, заимствование американской культурной продукции («культурной» лучше взять в кавычки) сокращается на фоне роста других культурных центров типа Нолливуда в Нигерии. Идеологическое лидерство также быстро размывается: доктрины ЛГБТ явно не подходят для мировой идеологии, а зеленая повестка «оккупирована» глобалистами. В плане промышленности США также перестали быть абсолютным лидером. В экономическом плане Китай догоняет их. В военном отношении лидерство США также сокращается, в частности в отношении ВМС. Соединенные Штаты по-прежнему являются притягательными для мигрантов, но и здесь есть изменения. Наблюдаются преобразования, неприятные для США и в плане инноваций, научного развития и др., хотя здесь американские акции еще ценятся высоко. Можно предположить, что в отдельных аспектах усилится конкуренция с Китаем и другими державами, но США будут с этим бороться, как мы видели в случае с возможным сокращением хождения доллара.

Исключение едва ли станет правилом. А значит, новый гегемон вряд ли появится. Итак, совмещение у США практически всех преимуществ лидера – это исключение. А значит, не следует ожидать, что оно станет правилом. Обычно формировалась либо модель концерта великих держав, либо биполярная система. Таким образом, вряд ли стоит ожидать, что в современных условиях появится новый абсолютный лидер.

Принципиально важный вывод из этого состоит в том, что ослабление способности США быть лидером не означает, что их заменит другой гегемон. Мы подробно аргументировали свою позицию (см., например: Гринин, Коротаев 2016; Grinin, Korotayev 2015; Гринин и др. 2024а; Grinin *et al.* 2023), что не следует ожидать простой смены лидерства (как нередко представляют сторонники циклов гегемонии⁸). Это связано с тем, что в Мир-Системе нет ни государства, ни иного образования, которое могло бы заме-

⁸ См., например: Валлерстайн 2001; Arrighi 1994; Modelski, Thompson 1996.

нить США, сосредоточивших в своих руках уникальный объем лидерства. Уже одно вышеприведенное перечисление показывает: место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, так как никто больше не сможет соединить одновременно столько ведущих функций (см. также: Закария 2009). А поскольку на смену США вряд ли явится такой же по мощи лидер, можно прогнозировать, что основной сценарий модели нового мирового порядка, на наш взгляд, не будет ни однополярным, ни биполярным; возможно, он будет представлять некую группу крупнейших игроков (страны и союзы). Можно ожидать появления своего рода политического форума, или клуба сил, или даже организации, состоящей из нескольких – трех-пяти-семи или более – крупных держав и блоков, способных каким-то образом устроить новый порядок. Это и будет одним из главных изменений в новом мировом порядке. Такое образование из наиболее важных держав и наднациональных организаций логично назвать Gx. Кто мог бы входить в этот глобальный «концерт», если исходить из сегодняшних реалий? США, ЕС, Китай, Индия, РФ. Вот пятерка реально ведущих акторов.

Что касается перспектив возможной глобальной гегемонии одного Китая, на которые указывают некоторые исследователи (см., например: Айвазов 2012; Komlosy 2019), то было продемонстрировано (Гринин 2013; Гринин и др. 2014; Grinin *et al.* 2015), что, с одной стороны, экономическая, военная и политическая позиции укрепятся в ближайшие десятилетия, но, с другой стороны, эта страна, даже предполагая все возможные будущие успехи, не сможет занять не только все, но даже основные позиции США в Мир-Системе по ряду причин. А в Китае много проблем: от демографических до экологических, от огромного внутреннего долга до коррупции, но главное – экономическая модель требует решительной перестройки, на которую не решается руководство.

Конечно, Gx не сможет оформиться без США. Однако последнее – при благоприятном развитии событий – были бы не гегемоном, а, скорее, в части многих вопросов первыми среди равных.

В заключение можно сформулировать основные принципы нового мирового порядка: 1) ценность глобализации и прочности правил международных отношений; 2) плюрализм политических режимов; 3) отказ от насильственного навязывания институтов (включая демократию); 4) отказ от инспирирования внутренних

революций; 5) запрет на использование мировых экономических и финансовых организаций в качестве инструментов внешней политики; 6) отказ на межгосударственном уровне от навязывания новых этических и правовых норм и дискриминации под этим предлогом; 7) демонополизация СМИ во всем мире; 8) более справедливая мировая финансовая система.

Литература

Айвазов, А. Э. 2012. *Когда рухнет доллар?* Орел: Труд.

Барановский, В. Г., Кувалдин, В. Б. 2023. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? *Полис. Политические исследования* 6: 8–20. DOI: 10.17976/jpps/2023.06.02.

Баталов, Э. Я.

2003. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа. *Полис. Политические исследования* 5: 25–37.

2005а. *Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций)*. М.: РОССПЭН.

2005б. *О философии международных отношений*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям.

Бжезинский, З.

1998. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения.

2006. Последний суверен на распутье. *Россия в глобальной политике* 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poslednij-suveren-na-raspute/>.

2010. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения.

Богатуров, А. Д.

1997. *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995)*. М.: Конверт – МОНФ.

2003. Современный международный порядок. *Международные процессы* 1(1): 6–23.

Валлерстайн, И. 2001. Мир, в который мы вступаем: 2000–2050 гг. *Россия и современный мир* 1: 64–75.

Гринин, Л. Е.

2013. «Дракон» и «Тигр»: модели развития и перспективы. *Историческая психология и социология истории* 1: 111–133.

2023. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы. *Век глобализации* 2: 50–72. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.06.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2021. Идем ли мы к глобалистской революции? (как глобалисты пытаются изменить мир) Статья первая. Глобализм в «революционном» аспекте. *Век глобализации* 4: 3–26. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.01.

2022. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир.) Статья вторая. Глобалистская революция и ее цена для мира. *Век глобализации* 1: 3–28. DOI: 10.30884/vglob/2022.01.01.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В.

2024а. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка. *Политическая наука* 2: 124–150. DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

2024б. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее. *История и современность* 3 (в печати).

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2016. *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

2019. *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Цирель, С. В. 2014. Остановится ли китайский взлет? В: Акаев, А. А., Коротаева, А. В., Малкова, С. Ю. (ред.), *Страны БРИКС: Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития: Предварительные результаты*. М.: URSS, с. 277–336.

Добров, Д. 2024. Индия считает, что американское доминирование в мире подошло к концу. *ИноСМИ* 8 августа. URL: <https://inosmi.ru/20240808/indiya-269761999.html>.

Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с правами человека в Соединенных Штатах Америки». 2024. 25 апреля. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1946097/.

Дрвенский, Б. 2024. Мировая гибридная война. *ИноСМИ* 6 июля. URL: <https://inosmi.ru/20240706/mnogopolyarnost-269443396.html>.

Дуткевич, П. 2022. Грандиозный раскол. *Россия в глобальной политике* 20(6): 22–34.

Закарня, Ф. 2009. *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа.

Кеннеди, П. 2018. *Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.* М.: Гонзо.

Киссинджер, Г.

1997. *Дипломатия*. М.: Ладомир.

2002. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века*. М.: Ладомир.

Кортунов, С. В. 2002. Становление нового миропорядка. *Международная жизнь* 6: 77–94.

Леви, Э., Михаэли, Ж. 2024. Между Западом и исламской цивилизацией идет война. Интервью с Эриком Земмуром. *ИноСМИ* 7 января. URL: <https://inosmi.ru/20240107/zemmur-267333720.html>.

Левин, З. И. 2014. *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.

Леонова, О. Г. 2024. Деглобализация versus глобализация. *Век глобализации* 2: 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01.

Ляпина, Э. 2010. Доктрина Вулфовица (Wolfowitz Doctrine). URL: <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/279-doktrina-vulfovitsa-wolfowitz-doctrine>.

Миронюк, М. Г. 2024. Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков. *Политическая наука* 2: 55–79. DOI: 10.31249/poln/2024.02.03.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. 2009. М.: Европа.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2024. Основные сценарии дестабилизации и изменения мирового порядка. *История и современность* 1: 27–57. DOI: 10.30884/iis/2024.01.02.

Сафаров, Ф. 2024. Подготовка к приезду Эрдогана в России. *ИноСМИ* 6 сентября. URL: <https://inosmi.ru/20240906/sammit-270023218.html>.

Сирота, Н. М. 2013. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 3(29). Ч. II: 177–181.

Сирота, Н. М., Мохоров, Г. А., Хомелева, Р. А. 2022. Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе* 1: 60–74.

Фридман, Дж.

2010. *Следующие 100 лет*. М.: Эксмо.

2011. *Следующие 10 лет*. М.: Эксмо.

Хантингтон, С.

2003а. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

2003б. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: Роспэн.

Чумаков, А. Н. 2023. Глобализация или деглобализация? *Век глобализации* 3: 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02.

Царегородцева, И. А. 2017. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии. В: Саватеев, А. Д., Нефляшев, Н. А., Кисриев, Э. Ф. (ред.), *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. М.: Ин-т Африки РАН, с. 93–111.

Шахназаров, Г. Х. 1981. *Грядущий миропорядок: о тенденциях и перспективах международных отношений*. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Шишков, В. В. 2014. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. *Век глобализации* 1: 133–146.

Щещняк, А. 2024. Атака на глобальную логистику. *ИноСМИ* 1 сентября. URL: <https://inosmi.ru/20240901/khusity-269948833.html>.

Яковенко, А. В., Манасенко, К. А., Карпович, О. Г., Крамаренко, А. М., Егоров, В. Н., Гришанов, А. А. 2023. *Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность*. М.: Содружество культур.

Achilov D., Sen S. 2017. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.

Armstrong, D. 2002. Drafting a Plan for Global Dominance. *Harper's Magazine* October. URL: <https://harpers.org/archive/2002/10/dick-cheneys-song-of-america/>.

Arrighi, G.

1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso.

2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.

Art, R. The Fungibility of Force. In Art, R., Jervis, R. (eds.), *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. 7th ed. New York, 2005.

Attali, J. 1991. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York, NY: Times Books.

Basha, S. 2023. How the Wolfowitz Doctrine Shaped Putin's Outlook. URL: <https://nationalinterest.org/feature/how-wolfowitz-doctrine-shaped-putin%E2%80%99s-outlook-206225>.

Blocher, Ch. 2024. Die NZZ resümiert: Wer neutral sei bei einem Krieg zwischen den USA und Russland – und einzig darum geht es ja in Wahrheit beim Ukraine-Konflikt –, der sei ein «Antiamerikaner». Was halte ich davon? *Die Weltwoche* August 28. URL: <https://weltwoche.ch/daily/die-nzz-resue-miert-wer-neutral-sei-bei-einem-krieg-zwischen-den-usa-und-russland-undein-zig-darum-geht-es-ja-in-wahrheit-beim-ukraine-konflikt-der-sei-ein-antiamerikaner/>.

Brands, H. 2024. US is Turning its Back on the World with or without Trump. *Bloomberg* March 6. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-03-06/us-is-turning-its-back-on-the-world-with-or-without-trump?srnd=opinion>.

Bull, H. 1995. *The Andrchical Society: a Study of Order in World Politics*. Houndmills; London: Macmillan Press.

Cohen, S. 2024. U.S. Navy's Lapse in Sea Lane Security Risks Global Trade. *The Hill* September 9. URL: <https://thehill.com/opinion/4868313-us-navy-suez-canal-loss/>.

Collins, R. 2002. Geopolitics in an Era of Internationalism. *Social Evolution & History* 1(1): 118–139.

Cooper, R. 1993. Is there a New World Order? In Sato, S., Taylor, T., Heiva, S. (eds.), *Prospects for Global Order*. London: Royal Institute of International Affairs, International Institute for Global Peace. Vol. 2.

Cuenco, M. 2024. The Case for a Long Reset with Russia Washington will Need Allies in the Fight against China. URL: <https://www.eurasia.ro/2024/09/01/the-case-for-a-long-reset-with-russia-washington-will-need-allies-in-the-fight-against-china/> (дата обращения: 11.10.2024).

Dalio, R. 2021. *Principles for Dealing with the Changing World Order: Why Nations Succeed and Fail*. New York: Avid Reader Press/Simon&Schuster.

Fazi, Th. 2024. Kamala Harris is a Neocon in Disguise. URL: <https://unherd.com/2024/09/kamala-harris-is-a-neocon-in-disguise/>.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Conclusion. How Many Revolutions will We See in the 21st Century? In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century*. Cham: Springer, pp. 1037–1061. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_41.

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2023. Future Political Change. Toward a More Efficient World Order. In: Sadovnichy, V. Akaev, A., Ilin, I., Malkov, S., Grinin L., Sayamov Y., Korotayev A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer, pp. 191–206. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_11.

Grinin, L., Korotayev, A. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing.

Grinin, L., Tsirel, S., Korotayev, A. 2015. Will the Explosive Growth of China Continue? *Technological Forecasting and Social Change* 95: 294–308.

Haass, R., Kupchan, Ch. 2021. The New Concert of Powers. *Foreign Affairs* March 23. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>.

Ikenberry, J. 2001. *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kennedy, P. 1987. *The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.

Kissinger, H. 2014. *World Order*. New York: Penguin Press.

Komlosy, A. 2019. Crises, Long Waves, and World System Analysis. *Journal of Globalization Studies* 10(2): 55–76.

Kotkin, J.

2024a. The Coming War of Civilizations. America's Decline is not Irreversible. URL: <https://americanmind.org/salvo/the-coming-war-of-civilizations/>.

2024b. America is Turning into the EU. *Spiked* August 14. URL: <https://www.spiked-online.com/2024/08/14/kotkin-america-becoming-like-the-eu/>.

MacEoin, D. 2018. Death of Democracy? Part I. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/11807/democracy-death>.

Mearsheimer, J. J.

2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York : W.W. Norton & Company.

2019. Bound to Fail: the Rise and Fall of Liberal International Order. *International Security* 43(4): 7–50.

Miller, L. 1994. *Global Order: Value and Power in International Politics*. Boulder, CO: Westview Press.

Modelski, G. 1991. *World System Evolution: a Learning Model*. ISA Annual Meeting, Vancouver.

Modelski, G., Thompson, W. R. 1996. *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.

Morgenthau, H. J. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 2nd ed. New York: Knopf, 1955.

Murray, D., Brown, D. 2012. *Multipolarity in the 21st Century: A New World Order*. New York: Routledge.

National Intelligence Council

2008. *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council.

2017. *National Intelligence Council. Global Trends 2035: Paradox of Progress*. Washington, DC: National Intelligence Council.

2021. *National Intelligence Council. Global Trends 2040: A More Contested World*. Washington, DC: National Intelligence Council.

Neff, B. 2024. Amerikafeindlichkeit – die populärste Ideologie des Westens. URL: <https://www.nzz.ch/meinung/amerikafeindlichkeit-die-populaerste-ideologie-des-westens-ld.1844398>.

Osman, T. 2016. *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.

Peer, M. 2024. Russland will auch Malaysia ins Wirtschaftsbündnis BRICS holen. *Handelsblatt* Juli 30. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/asien-russland-will-auch-malaysia-ins-wirtschaftsbuendnis-brics-holen/100056067.html>.

Rasler, K., Thompson, W. R. 1994. *The Great Powers and Global Struggle 1490–1990*. Lexington : The University Press of Kentucky.

Rosencrance, R. N. 2014. Allies, Overbalance and War. In Rosencrance, R., Miller, S. (eds.), *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 45–56.

Roussinos, A. 2023. The Truth about the Ethnic Cleansing in Gaza. *UnHerd* December 18. URL: <https://unherd.com/2023/12/the-truth-about-the-ethnic-cleansing-in-gaza/>.

Selbin, E. 2022. All Around the World: Revolutionary Potential in the Age of Authoritarian Revanchism. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century : The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, pp. 415–433.

Striker, E. 2024. The Collapse of the American Empire, Part III: Diplomacy and Soft Power. URL: <https://www.unz.com/estriker/the-collapse-of-the-american-empire-part-iii-diplomacy-and-soft-power/>.

Taleb, N. N. 2007. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House.

Tsirel, S. 2020. Future Technological Achievements as a Challenge for Post-singularity Human Society. In Korotayev, A. V., LePoire, D. J. (eds.), *The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective*. Cham: Springer, pp. 419–437. DOI: 10.1007/978-3-030-33730-8_19.

Why do Many in Indonesia and Southeast Asia Support Russia in Its War with Ukraine? 2023. *India Narrative* September 22. URL: <https://www.indianarrative.com/opinion-news/why-do-many-in-indonesia-and-southeast-asia-support-russia-in-its-war-with-ukraine-157694.html>.

Zakaria, F. 2008. *The Post-American World*. New York: W. W. Norton & Company.

Zhdanov, A., Korotayev, A. 2022. Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution* 13: 1–34. DOI: 10.21237/C7clio13054207.